

УДК 1 (091)

DOI: 10.26456/vtphilos/2022.3.102

ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ Г.П. ФЕДОТОВА: ОТ КИЕВСКОЙ РУСИ ДО МОСКОВСКОГО ЦАРСТВА

С.П. Бельчевичен

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Г.П. Федотов – известный русский философ, медиевист. Полемизируя с отечественными историками, Г.П. Федотов создает оригинальную версию философии русской истории. В центре его внимания актуальные проблемы, рассматриваемые русской историософией: Россия и Запад, национальное самосознание, периодизация русской истории. Используя идею Гегеля о возможности реализации начал свободы в отдельных культурах, Федотов предлагает нетривиальную типологию развития русского государства.

Ключевые слова: *Россия, Запад, философия истории, свобода, Московское государство, Средние века.*

Проблемы философского осмысления исторического развития России занимают значительное место в отечественной традиции. Свой вклад в историософскую проблематику вносит и Георгий Петрович Федотов (1886–1951) – известный русский философ, историк, публицист. Полемизируя с русскими историками В.О. Ключевским и С.М. Соловьевым, Г.П. Федотов создает нетривиальную версию философии русской истории. В фокусе его внимания традиционные темы для русской историософии: Россия и Запад, национальная идентичность, периодизация русской истории. Опираясь на идею Г. Гегеля о свободе и возможности реализации её начал в отдельных культурах, Г.П. Федотов экстраполирует эту идею на различные периоды исторического развития Руси-России [1, с. 114]. Периодизация, предлагаемая русским философом, остается в рамках отечественной традиции: Киевская Русь, монгольское нашествие, Московское царство, эпоха петровских преобразований, советская история. Он содержательно анализирует широкий круг источников, на основе которого выстраивает свою концепцию. По меткому наблюдению Ю. Иваска, «Федотов стремился услышать в документах, в памятниках голоса истории» [2, с. 350].

В отличие от большинства медиевистов, Г.П. Федотов рассматривает русское средневековье с несколько иных позиций, предлагая собственную периодизацию, где Киевская Русь – это эпоха древнерусской истории, а татаро-монгольский период и Московское царство – средневековая история. Обосновывая свою позицию, Г.П. Федотов пишет: «Под термином “русское средневековье” мы подразумеваем два с половиной столетия между татаро-монгольским завоеванием Руси (1237–1240) и установлением Московской монархии (около 1500 года). Период, предшествующий средневековью, известен как эпоха Киевской, или Древней, Руси, а последующий за ним период

– как эпоха Московского государства. Киевский и Московский периоды представляют собой две различные культурные формации, замкнутые в себе и значительно отличающиеся друг от друга» [3, т. 11, с. 12].

Формирование Киевской Руси было обусловлено влиянием как Востока, так и Запада. Средневековое русское государство, появившись на перекрестке двух культурных миров, впитало в себя совершенно полярные идеи и ценности. Киевская Русь, по мнению Г.П. Федотова, имела все предпосылки, чтобы стать частью Западного мира: децентрализованное государство и независимую церковь. В эпоху Киевской Руси церковь подчинялась исключительно Константинопольскому патриарху и была полностью независима от политики местных князей. Этот факт Г.П. Федотов объясняет тем, что Церковь не была ещё национальной и осознавала себя частью греческой церкви, да и древнерусские князья не воплощали всей полноты власти и вынуждены юбили делить её с дружиной и боярством. Принятие христианства способствовало проникновению на Русь античной культуры, что еще больше сближало её с Западом «даже тогда, когда она не хотела и слышать об этом родстве» [4, т. 2, с. 278]. Формируются первые философские школы, значительную роль в развитии интеллектуальной культуры Киевской Руси сыграли Климент Смолятич, Кирилл Туровский, Илларион Киевский [5, р. 63–92].

Всё это сделало возможным появление Новгородской республики – единственной в своем роде православной демократии. Существование на Руси значительной прослойки свободного населения демонстрирует, по мнению Г.П. Федотова, что Киевская Русь – это восточная окраина европейского мира. В течение нескольких столетий Русь жила общей жизнью с восточно-европейскими государствами, заключая политические союзы и династические браки. Напротив, ни культура, ни образ жизни, ни государственная организация восточных соседей не привлекали киевских князей. Киевская Русь имела не менее благоприятные условия для развития личной и политической свободы. Однако слабость юридического развития, отсутствие единства, недостаточное развитие государственных начал не способствовали законодательному закреплению прав и свобод, как это произошло на Западе.

Время монгольского завоевания и начало централизации древнерусского государства занимает значительное место в работах Г.П. Федотова. Он убежден, что 1240–1500 гг. и есть зрелое средневековье на Руси, оно характеризуется расцветом древнерусского искусства и литературы. Последствия монгольского завоевания были весьма значительны. Они нанесли ущерб экономике и демографии, многие города были разрушены, население было уничтожено или угнано в рабство. С политической карты исчезли Переславль, Рязань. Оставшееся население было обложено непомерной данью. Однако завоеватели не пытались селиться в лесах средней полосы, они вели традиционный кочевой образ жизни, поэтому Новгородская республика не

пострадала и сохранила демократические свободы. В то же время, как считает Г.П. Федотов, наблюдается политическая зависимость Руси от Золотой Орды, поскольку князья получали ярлыки на княжения из рук великих ханов. Свообразным было отношение монголов-язычников к православной церкви. Если церковь молилась о благополучии хана, то церковь наделялась иммунитетом, и они не вмешивались в её дела. Отсюда двойственная реакция церкви на завоевание: с одной стороны, это суд божий и призыв к покаянию, с другой – героизация и канонизация погибших воинов и князей русских. В сопротивление против ига церковь включилась только в XIV в. Влияние татаро-монгольского завоевания в разных областях Руси ощущалось неодинаково. Новгородская республика, занимавшая значительную часть Северо-Восточной Руси, была более самостоятельна, здесь сохранились демократические свободы. В результате завоевания произошел раскол между Восточной и Западной Русью. Последняя попала под влияние Литвы. Союз Литвы и Польши привёл к тому, что в Западной Руси стала распространяться латинская культура [3, т. 11, с. 24]. Г.П. Федотов видит несколько центров силы в Северо-Восточной Руси: удельные князья, Новгород, Псков, Тверь и Московское княжество.

Новгородская республика оставалась важным центром древнерусских земель. Именно в Новгороде, который был экономически тесно связан с Западом на протяжении несколько столетий, существовала православная республика XII–XV вв. В отличие от Москвы, которая ориентировалась исключительно на Золотую Орду, или Твери, питавшей симпатии к Литве, Новгород пытался проводить сбалансированную внешнюю политику. Так, с XIV в. Московский князь считался покровителем Новгорода и был представлен наместником. В то же время он довольствовался строго определенными по договору доходами и юрисдикцией. Новгороду было выгодно такое положение дел, когда самый сильный князь Руси покровительствовал республике. Мирное сосуществование с Московским княжеством давало возможность торговать с низовой Русью, откуда шло зерно, без которого Новгород существовать не мог. Институт княжеской власти был представлен в качестве одной из ветвей власти и не играл в политике Новгорода решающей роли. Власть князя в Новгороде не была ни наследственной, ни пожизненной, его роль была значима в военное время, когда он выполнял функцию временного военачальника всех вооружённых сил республики. В мирное время народное вече могло указать любому князю дорогу из города. Вся полнота власти в Новгородской республике принадлежала вече, в котором принимали участие свободные граждане, этот орган выбирал исполнительную власть и даже контролировал архиепископа Новгородского, мог его судить за совершенные противоправные поступки. Эту форму правления Г.П. Федотов обозначает как прямую демократию и, характеризуя её сущность, пишет: «Это была прямая, то есть не представительная, демократия, подобно республикам античного мира. Лишь тот, кто участвовал в народных сходках, мог осуществлять свои политические права» [3, т. 11,

с. 175]. Фактически огромная территория Новгородской республики от Балтики до предгорий Урала управлялась союзом свободных граждан Новгорода, но то, что хорошо для свободной республики, совсем не годилось для самодержавной империи, которую строила Москва. Конечно, беспорядки на Волховском мосту между сторонниками разных партий часто переходили границы, но такова плата за демократию. Впрочем, эти противоречия решались «степенными» наиболее уважаемыми гражданами города, которые практически всегда находили компромисс. Важную роль в соотношении церковной и светской власти играли архиепископы. Они также выступали за свободу Новгорода от внешних сил и Москвы. Подчеркивая этот факт, Г.П. Федотов говорит: «Как бы ни представляли новгородцы святую Софию, она была владычицей и покровительницей города и государства. На земле ее представлял всенародно избранный архиепископ. Истинный президент республики, он сосредотачивал в своих руках огромную материальную и даже военную силу. Но владыки Новгородские защищали свободу не только Церкви, но и свободу “града”, то есть республики» [3, т. 11, с. 174]. Он приводит исторический факт из жизни последних архиепископов Новгородских Ефимия и Иона, когда последний, будучи уже старцем, едет в Москву и уговаривает Ивана III не лишать прав и свобод жителей Новгорода [3, т. 11, с. 175].

Очень близкой по организации управления является псковская модель. Псков получил самостоятельность от Новгорода в начале XIV в. Впрочем, и вечевая система управления тоже пришла из новгородских земель. Высшим органом управления становится вече. Оно определяло стратегию развития края, решало наиболее значимые текущие проблемы Пскова. Ему подчинялись вечевые собрания улиц и концов города. Однако приграничный статус Пскова наложил свою специфику на деятельность князя, который приглашался вече. Он обладал большим объемом власти, выполнял как военные функции, так и судебные. В подчинении у князя находился весь аппарат управления, наместники, приставы, писцы. Однако князь принимал решения не единолично, его советчиками были выборные посадники. Специфика Пскова в том, что он многие столетия был приграничным регионом Руси.

Однако центром объединения стала Москва. Она появилась на политической карте довольно поздно и первоначально не играла какой-либо роли в жизни Северо-Восточной Руси, но Юрий и Иван Калита сумели победить Тверь. Благодаря успешной политике, союзу с завоевателями и церкви, а также династическим бракам с принцессами Золотой Орды Москва усилилась и была более привлекательна для населения страны, обеспечивая мир и безопасность на своей территории, что означало окончание феодальных войн. «На протяжении трех поколений московские князья были послушными подданными ханов. Они никогда не участвовали в мятежах и охотно помогали их подавлению. Такова была причина относительного спокойствия и порядка в московских землях, и это привлекало сюда

множество переселенцев из других разоренных земель», – комментирует Г.П. Федотов [3, т. 11, с. 28].

Иной политики придерживалась Тверь. Находясь между Ордой и Литвой, она, без сомнения, ориентировалась на Литву. «Точно так же и Тверь относилась к Литве после христианизации литовцев в XIV и XV веках. В 1408 году князь Тверской Иван формирует традиционные принципы своей политики: “Яко отци и деди наши всегда мирни бываху с Витовтом [князем Литовским], такоже и аз” (Твер. 1408). Занимая промежуточное положение между русским Востоком и Западом, бескомпромиссный враг татар, Тверь вынуждена была искать политического союза с Литвой, чье население было, в основном, православным и русским, хотя князья и часть аристократии приняли римское исповедание» [там же, с. 164]. Москва рассматривает Вильно как главного соперника за объединение западно-русских земель. Эта политическая ситуация в Москве породила фанатичный антикатолицизм [там же, с. 64].

Если Тверь и Новгород были ближе к Западу, то Москва создается, по выражению Г.П. Федотова, как «православное ханство». Москва представляется ему государством и обществом восточного типа. Московское самодержавие – это своеобразный синтез власти ханов завоевателей и византийских императоров. Но если византийский базилевс был ограничен законом и властвовал над свободными, то Московский царь хотел властвовать над рабами и не чувствовал связанным себя законом и традицией. Церковь, которая более всего содействовала возвышению Москвы, первая за это и поплатилась. Митрополиты назначались царём и свергались с необычайной лёгкостью. Филипп Московский, бросивший вызов Ивану Грозному, был оклеветан, сослан в Отроч монастырь в Тверь и там во время новгородского похода царя был задушен Малютой Скуратовым. В московском царстве практически нет свободных категорий населения, все сословия были прикреплены к государству службой или тяглом. «Человек свободной профессии был явлением немислимым в Москве – если не считать разбойников», – замечает Г.П. Федотов [4, т. 2, с. 284]. Крепостное право на Руси распространилось повсеместно и превратилось в чистое рабство. Весь процесс развития в Московском «ханстве» стал обратным движением западноевропейскому: от свободы к рабству. Влияние Востока еще более усиливается после завоевания Казанского ханства. Его политическая элита охотно шла на службу к русскому царю и награждалась землями и привилегиями, вливаясь в ряды русского мелкопоместного дворянства. В итоге складывается особый тип русского человека – московский тип. «Это тип психологически представляет сплав северного великоросса с кочевым степняком, отлитый в форме осифлянского православия» [там же, с. 285]. Регламентация усиливается, огромную роль играет ритуал и традиция. Мироззрение упрощается до крайности, житель Москвы не рассуждает, он принимает на веру несколько догматов, на которых основывается нравственная и общественная жизнь. Страна живет единой жизнью, свобода становится категорией отри-

цательной, синонимом безобразия, распущенности. Меняется эстетика, красота превращается в боголепие, христианство трансформируется в религию священной материи [там же, с. 285]. Г.П. Федотов противопоставляет Московскому царству русское зрелое средневековье, когда, несмотря на господство Золотой Орды, не прекращается духовная связь с Западом через славянские народы: болгар и сербов, язык которых был настолько близок, что не требовал перевода [6, с. 84]. Не прерывалась связь с Грецией и Италией. Московский Кремль, соборные храмы строились итальянскими зодчими именно в этот промежуток времени. Интеллектуальная мысль была представлена преподобным Нилом Сорским – одним из лидеров нестяжательства на Руси, отстаивавшим духовное спасение и подвиг служения [7, р. 84–89]. Своего апогея несвобода Московского царства достигает при Иване Грозном. Г.П. Федотов отвергает оценку правления первого русского царя, данную историками-позитивистами, которые искали наряду с негативным и положительные моменты в его деятельности: расширение русского государства, строительство новых городов, централизация власти. Г.П. Федотов описывает самодержавие в отрицательном ключе, когда власть царя абсолютна безгранична. Ради её укрепления он идёт на все, убивая семью ближайших родственников – удельных князей Старицких. Опричнина Ивана IV была направлена на искоренение удельных и местных князей и создание зависимого от самодержавия нового класса служивых людей – мелкопоместного дворянства. Впрочем, как показало время, в военном отношении опричники оказались несостоятельны, умея только грабить и убивать. Крайне негативно Г.П. Федотов оценивает новгородский поход Ивана Грозного, когда были разорены и подверглись грабежу Клин, Тверь, Торжок. В Новгороде было убито несколько тысяч человек, включая женщин и детей. Однако спустя столетие Москва, пережившая смутное время, стала тяготеть к Западу. Эту необходимость диалога осознавал Петр I, вновь обратившись к западной культуре.

Полемизируя с представителями отечественной историософии, Г.П. Федотов создает оригинальную версию философии истории. Опираясь на наследие Г. Гегеля, он решает ряд традиционных проблем сквозь призму реализации свободы в отдельных культурах. Рассуждая о диалоге Руси и Запада, он пытается показать, что в разные периоды развития русского государства оно тяготело то к Востоку, то к Западу. Если Киевская Русь обладала политическими свободами, то Московское царство представляло из себя симбиоз восточных и западных ценностей и всецело принадлежало к восточной цивилизации. Переходным периодом являются XII–XV в., когда после монгольского завоевания складываются новые центры силы: Тверь, Новгород, Москва. Новгородская республика на территории Руси была оплотом прямой демократии, где население оказывало непосредственное влияние на принятие экономических и политических решений. Но если Тверь и Новгород тяготели к Западу, то Москва представляла из себя восточное государство, где свобода была принесена в жертву национальным интересам, что способствовало появлению русского самодержавия и окончательному объединению древнерусских земель.

Список литературы

1. Бельчевичен С.П., Рыбачук В.Б., Казанцева И.А. Формирование религиозного мировоззрения Г.П. Федотова: от марксизма к неохристианству и экуменизму // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2019. № 3(49). С. 114–121.
2. Русская религиозно-философская мысль XX века: сб. ст. под ред. Н.П. Полторацкого. Питтсбург: Rosseels Printing, 1975. 414 с.
3. Федотов Г.П. Собрание сочинений: в 12 т. М.: Мартис, SAM & SAM, 2004.
4. Федотов Г.П. Судьба и грехи России: избр. ст.: в 2 т. СПб.: София, 1991. Т. 1. 362 с.; Т. 2. 342 с.
5. Fedotov G.P. The Russian Religious Mind. N.Y.: Harper Torchbooks, 1946. 415 p.
6. Рыбачук В.Б. Философия культуры Г.П. Федотова. Тверь: ТвГУ, 1996. 124 с.
7. Fedotov George P A Treasury of Russian Spirituality. N.Y.: Shed & Ward, 1948. 501 p.

G.P. FEDOTOV'S PHILOSOPHY OF HISTORY: FROM KIEVAN RUS TO THE MOSCOW KINGDOM

S.P. Belchevichen

Tver State University, Tver

G.P. Fedotov is a famous Russian philosopher, medievalist. Arguing with Russian historians, G.P. Fedotov creates an original version of the philosophy of Russian history. Russian historiosophy focuses on topical issues considered by Russian historiosophy: Russia and the West, national identity, periodization of Russian history. Using Hegel's idea of the possibility of realizing the principles of freedom in individual cultures, Fedotov offers a non-trivial typology of the development of the Russian state.

Keywords: *Russia, the West, philosophy of history, freedom, the Moscow state, the Middle Ages.*

Об авторе:

БЕЛЬЧЕВИЧЕН Сергей Петрович – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и теории культуры ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь, Россия. E-mail: belchev64@mail.ru

Author informations

BELCHEVICHEN Sergey Petrovich – PhD, Associate Professor at the Department for Philosophy and Theory of Culture, Tver State University, Tver, Russia. E-mail: belchev64@mail.ru